

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.37

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ: ПРЕДЕЛЫ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

канд. юрид. наук, доц. В.В. ХИЛЮТА

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Анализируется эффективность уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за легализацию преступных доходов. Приводятся типичные примеры из правоприменительной практики для иллюстрации главного признака легализации – цели совершения преступления. Констатируется, что для легализации преступных доходов конечным результатом является придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению средствами, приобретенными преступным путем. Анализируются правоприменительная практика, тенденции судебного правопонимания и основные положения доктрины уголовного права на предмет сути и содержания преступной легализации доходов. Указывается причина неприменимости данной уголовно-правовой нормы, рассматриваются различные варианты совершения действующего уголовного законодательства. Обосновывается идея о необходимости ограничительного толкования положений уголовного закона, предусматривающих ответственность за легализацию средств, приобретенных преступным путем, предлагаются рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: преступные доходы, легализация, экономические преступления, имущество, отмывание доходов, уголовный закон.

В настоящее время угроза криминализации общественных отношений, складывающихся в процессе реформирования социально-политического устройства и экономической деятельности, приобретает особую остроту. Сформировалось мнение, что основная цель любого, в том числе и противоправного бизнеса, – получение максимальной прибыли. Возможность использования в этих условиях «грязных денег» способствует не только формированию теневой экономики, но и наносит колоссальный ущерб государственным и общественным интересам.

Проблема легализации преступных доходов в современных условиях является одной из наиболее актуальных. Исторически она возникает тогда, когда доходы, полученные в результате криминальных операций, настолько превышают запросы личного потребления, что возникает острая потребность их вложения в законное дело (предприятие) [1, с. 7–8]. Такая потребность объективно связана с мотивацией участия лица в легальной экономической деятельности.

Однако как долго мы бы не говорили об «отмывании грязных денег», в настоящее время пока еще не созданы эффективные механизмы выявления преступлений, указывающих на источник происхождения легализуемых денежных средств; не сложилась система единого понимания сути легализации и конструктивных признаков состава данного преступления как на международном, так и на национальном уровне. Четко не определено, с чем мы боремся, и каким образом. Сегодня бывает крайне трудно действия по отмыванию денег отличить от вполне законных массовых операций (сделок). Например, работниками правоохранительных органов зачастую ошибочно к легализации материальных ценностей относят следующие действия обвиняемого: использование полученного имущества от незаконной предпринимательской деятельности в дальнейшей незаконной преступной (экономической) деятельности виновного; продажа (сбыт) с целью получения прибыли ранее приобретенного преступным путем имущества и др. Отсутствие надлежащей фиксации следов движения отмываемых денежных средств со стороны правоохранительных органов приводит к тому, что в большинстве своем уголовные дела возбуждаются не по факту легализации материальных ценностей, приобретенных преступным путем, а по фактам совершения иных преступлений.

В такой ситуации важно не допустить перегибов и превращения уголовно-правовой нормы о легализации преступных доходов из «острого меча в борьбе против терроризма» в большое «улавливающее корыто для проблемных случаев» [2, с. 203], где зачастую доказательства виновности в совершении преступления никак не связаны с предикатным правонарушением. Стремление законодателя и правоприменителя вести эффективную борьбу с организованной и экономической преступностью может иметь

успех лишь на уровне первичных преступлений и лишь дополнительно на уровне легализации преступных доходов. Что и говорить, в Республике Беларусь количество выявленных преступлений по статье 235 Уголовного кодекса (УК) крайне невелико. Наличие в указанном кодексе нормы, предусматривающей ответственность за легализацию (отмывание) средств, приобретенных преступным путем, само по себе еще не означает решение всех проблем предупреждения экономических преступлений данного вида и не гарантирует успешную борьбу с криминальными проявлениями преступности.

Действительно, многим сегодня просто не ясна сущность преступления, с которым так активно борются на Западе и которое там именуют «отмывание денег». Общественная опасность легализации доходов обусловлена не столько степенью противоправности их происхождения, сколько характером указанных в законе (ст. 235 УК) действий по использованию легальных механизмов осуществления экономической деятельности для придания вводимым в оборот денежным средствам или иному имуществу видимости законных [3, с. 24]. В конце концов, суть отмывания денег не в том, что вор на нажитые преступным путем средства отремонтировал коровник, а в том, что он представил доходы, полученные от преступления, в качестве таких, которые якобы им правомерно получены от ведения сельского хозяйства [4, с. 44]. Следовательно, говорить об уголовной ответственности мы должны тогда, когда разные по сути и содержанию преступные действия способствуют включению добытого преступным путем имущества в легальный экономический оборот, а не связаны с использованием указанных средств для финансирования или имущественного обеспечения преступной деятельности.

В современных условиях борьбы с экономической преступностью редакция статьи 235 УК претерпела существенные изменения, и уголовная ответственность установлена за «*Совершение финансовых операций со средствами, полученными заведомо преступным путем, для придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению указанными средствами в целях утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств*». По сравнению с прежним уголовным законодательством, видоизменились уголовно-правовые средства борьбы с легализацией имущества, полученного преступным путем, и главным в этом вопросе стала цель – придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению средств, полученных преступным путем.

Тем не менее отмывание преступных доходов в настоящее время в абсолютном большинстве случаев выявляется в ходе предварительного следствия как дополнительный состав основного (предикатного) преступления и вменяется в вину лицу в совокупности с другими преступлениями, причем чаще всего тому лицу, которое ранее совершило предикатное преступление (так называемому «самоотмывателю»). Поэтому для эффективного применения статьи 235 УК следует детально разобрать новое понятие и установить возможные границы толкования обозначенного термина. В связи этим нельзя не видеть того, что «*придание правомерного вида ...*» является сегодня сущностной характеристикой легализации средств, полученных преступным путем.

Сама идея включения новой цели в обязательную конструкцию состава легализации средств, полученных преступным путем, заключалась в том, что обозначенные законодателем цели обуславливают общественную опасность и составляют суть легализации – придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению средствами, полученными преступным путем.

Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» легализация доходов, полученных преступным путем, – *это придание правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению доходами, полученными преступным путем, в целях утаивания или искажения их происхождения, местонахождения, размещения, движения либо их действительной принадлежности, в том числе соотносимых с этими доходами прав*. Поэтому для решения вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного статьей 235 УК, необходимо установить, что лицо совершило финансовые операции со средствами, полученными заведомо преступным путем, еще и *в целях утаивания или искажения природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных материальных ценностей или соотносимых с ними прав*.

Таким образом, финансовые операции со средствами, приобретенными преступным путем, являются легализацией лишь при условии, что они совершаются в целях придания таким ценностям (средствам) статуса законных для введения их в правомерный хозяйственный или гражданско-правовой оборот. Суть легализации заключается в том, чтобы предпринять все усилия, направленные на затруднение выявления преступного происхождения материальных ценностей и создание таких условий владения, пользования или распоряжения ими, которые позволяют считать эти ценности (средства) полученными правомерным путем [5, с. 49].

По этой причине некоторыми правоприменителями ставится вопрос о буквальном толковании данной статьи уголовного закона и целесообразности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших финансовые операции с денежными средствами, приобретенными ими в результате совершения преступления в бытовых или личных целях (покупка продуктов питания или предметов одежды, оплата услуг кафе и ресторанов, мобильной связи и т.д.). Нынешняя редакция статьи 235 УК это позволяет сделать путем указания на следующее словосочетание: «для придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению указанными средствами». Следуя подобной точке зрения, можно также заключить, что, несмотря на владешую со стороны законодателя идею защиты именно сферы легальной экономики, фактически запрет установлен на любые финансовые операции и сделки, в том числе и такие, которые совершаются незаконно.

Так, по материалам одного из уголовных дел было установлено, что З. незаконно сбыл в крупном размере наркотическое средство – героин – Б. и Я., участвовавшим в качестве покупателей в проведении сотрудниками милиции проверочных закупок. Часть денег – 800 000 (неденоминированных) рублей, полученных от продажи наркотиков, в целях погашения имевшегося долгового обязательства З. передал своему знакомому А. Эти действия З. были квалифицированы по части 1 статьи 235 УК. Между тем под легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, понимается придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления, т.е. совершение действий с доходами, полученными от незаконной деятельности, таким образом, чтобы источники этих доходов казались законными, а равно действий, направленных на сокрытие незаконного происхождения таких доходов. Поэтому для решения вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 235 УК, необходимо установить, что лицо совершило финансовые операции со средствами в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими. По настоящему делу действия З. были направлены на погашение долгового обязательства, он не имел цели придать правомерный вид владению деньгами, полученными в результате совершения преступления [6, с. 148].

Следовательно, для решения вопроса о наличии в действиях лица состава преступления, установленного статьей 235 УК, необходимо установить, что это лицо совершило финансовые операции со средствами (денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги, иное имущество, в том числе имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности) в целях придания правомерного вида по владению, пользованию и распоряжению ценностями, полученными в результате совершения этим лицом преступления. Вместе с тем к уголовной ответственности не может быть привлечено лицо, совершившее финансовые операции со средствами, приобретенными им преступным путем, в личных или бытовых целях (покупка продуктов питания или предметов одежды, оплата ресторана и услуг мобильной связи). Дело в том, что цель легализации (отмывания) средств, полученных преступным путем, предлагаемая сегодня законодателем в виде придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами, ценными бумагами, электронными деньгами, иным имуществом, в том числе имущественными правами, а также исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, является не совсем корректной, поскольку буквально позволяет правоприменителю привлекать к уголовной ответственности фактически любое лицо, распоряжающееся по своему усмотрению имуществом, полученным в результате совершения преступления.

Так, как легализация преступных доходов были расценены действия экономиста финансового отдела ОАО, которая, похитив денежные средства, приобрела в последующем за эти деньги на имя своих дочерей 2-комнатную квартиру в городе Минске.

Если следовать такой логике, то действия лица, продавшего за определенную сумму компьютер, похищенный в магазине другим лицом, вполне подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного статьей 235 УК, поскольку, совершая сделку купли-продажи, данное лицо, так или иначе, преследует цель придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению указанным имуществом. Иначе говоря, любой сбыт похищенного имущества может подпадать под признаки легализации преступных доходов [7, с. 86]. Тем не менее основной целью легализации является именно придание правомерного вида источнику происхождения имущества, приобретенного в результате совершения преступления, о чем и сказано в статье 235 УК (в целях утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств), но, представляется, сделано это законодателем не совсем удачно.

Поэтому нельзя констатировать факт легализации имущества лишь посредством указания на совершение лицом финансовых сделок (которые не всегда свидетельствуют о легализации преступных доходов) и внедрения легализуемых средств в легальную экономику, сокрытия источников происхождения преступных доходов, прерывание связи преступных доходов с предикатным преступлением и т. д.,

безотносительно оценки доказательств, подтверждающих наличие данного признака (придания правомерного вида) в действиях конкретного лица. Сегодня на практике фиксируется только факт совершения лицом основного преступления, связанного с приобретением денежных средств или иного имущества, любым способом им распорядившимся, без конкретизации обстоятельств, свидетельствующих о намерении придать легальный статус денежным средствам или иному имуществу.

Так, по мнению В.В. Мицкевича, «состав легализации могут образовать лишь такие финансовые операции, в результате которых происходит прерывание связи преступных доходов с источником их происхождения, а виновные лица получают возможность использовать их под видом собственных легальных доходов. С учетом этого нормы об ответственности за легализацию преступных доходов не должны применяться, в частности в случаях, когда средства, полученные заведомо преступным путем, расходуются преступником на приобретение тех или иных материальных ценностей либо зачисляются на банковские счета без совершения каких-либо действий по приданию таким средствам вида законного дохода» [8].

В целом, соглашаясь с данным утверждением, тем не менее, возникает вопрос, как и на основании каких критериев определить, ставит ли перед собой лицо, совершающее финансовые операции со средствами, полученными преступным путем, цель придать им правомерный вид. Более того, сложно сказать, какими доказательствами можно с точностью установить, что при совершении финансовых операций со средствами, приобретенными преступным путем, лицо действовало именно с целью придания им правомерного вида. Наряду с этим видимость правомерного владения этими средствами (деньгами, имуществом и т.д.) может придаваться и независимо от того, преследовал ли виновный такую цель. С другой стороны, денежные средства либо иное имущество, полученные преступным путем, никогда не станут легально добытыми. При совершении любого из деяний, образующих состав легализации (ст. 235 УК) таким средствам придается видимость легально приобретенных независимо от того, хотел этого виновный или нет. По-видимому, отсюда некоторые криминалисты и предлагают вывод, согласно которому вовсе необязательно, чтобы лицо при отмывании преступных доходов ставило перед собой специальную цель.

Например, К.Э. Емцева утверждает, что не может быть цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, добытым преступным путем, если преступник заказывает турпутевку за границу в легальном турагентстве, т.е. совершает законную сделку – затраченные деньги здесь не сохраняются, не становятся «чистыми», поскольку они потребляются и, образно говоря, растворяются в перелетах на самолетах, проживании в отелях, экскурсиях, обедах в ресторанах и прочих объектах потребления и оказания услуг, и преступник уже не может больше ими воспользоваться, в то время как легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, предполагает, что преступник, «отмыв» деньги (имущество), может вновь ими воспользоваться [9, с. 55].

Если принять данную точку зрения, то окажется, что цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению средствами, полученными преступным путем, объективно обнаруживается уже самим фактом обращения виновного к легальным финансовым, кредитным и иным учреждениям, принимающим денежные средства и оформляющим соответствующие финансовые операции. Принципиальный же момент здесь заключается в том, что сознанием виновного охватывается тот факт, что он пытается ввести их в легальное обращение и сохранить в ином виде деньги или иное имущество (средства), добытые преступным путем. Однако специфика объективной стороны легализации такова, что действия легализатора с внешней стороны почти всегда правомерны. Преступными же их делает цель.

Согласно материалам уголовного дела, А., используя денежные средства в сумме 11 200 000 (неденонмированных) рублей, полученные от продажи наркотиков, приобрел в ювелирном отделе магазина золотое кольцо. Эти действия осужденного были квалифицированы органами предварительного следствия по части 1 статьи 235 УК как совершение финансовых операций с денежными средствами, приобретенными лицом в результате совершения преступления. Между тем легализация предполагает совершение действий с доходами, полученными от преступной деятельности таким образом, чтобы источники этих доходов казались законными, а равно действий, направленных на сокрытие незаконного происхождения таких доходов. Исходя из указанных соображений, А. до приобретения золотого кольца должен был совершить действия по приданию деньгам, полученным от сбыта марихуаны, вида законного дохода. Однако это не было установлено органами предварительного следствия и в вину ему не вменялось. Напротив, установлено, что денежные средства осужденный использовал для личных целей – приобретения золотого украшения для сожительницы. Суд, прекращая в этой части уголовное дело, отметил, что действия А. были направлены на приобретение имущества и не имели цели придания правомерности владения деньгам, полученным в результате совершения преступления, поэтому в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный частью 1 статьи 235 УК.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что подавляющее большинство лиц, в отношении которых были возбуждены уголовные дела по статье 235 УК, продавая похищенные ими вещи или незаконным (преступным) образом приобретенные, вовсе не помышляли об отмывании материальных ценностей, добытых преступным путем. Например, лица, совершающие различные формы хищения, зачастую продают похищенное ими имущество, а вырученные от этого денежные средства используют для личных нужд, не вовлекают их в сферу легальной экономической деятельности и не придают им законного статуса.

На наш взгляд, признаки легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем, будут отсутствовать, когда придание правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению доходами, полученными преступным путем, ставит перед собой иную цель, нежели утаивание или искажение их происхождения, местонахождения, размещения, движения либо их действительной принадлежности, в том числе соотносимых с этими доходами прав. По этой причине под состав легализации средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК), не будут подпадать:

а) операции, связанные с распоряжением легализуемым имуществом исключительно в личных целях (носят бытовой характер и направлены и обеспечение жизни своей семьи путем покупки продуктов питания, одежды, оплаты текущих бытовых платежей и т.д.). Здесь распоряжение преступно нажитым имуществом уже охватывается составом предикатного преступления;

б) операции по использованию полученного имущества от незаконной предпринимательской деятельности или других преступлений в дальнейшей незаконной преступной (экономической) деятельности виновного (покупаются новые товары, оборудование, нелегально арендуется помещение);

в) операции, направленные исключительно на конспирацию преступной деятельности (например, финансовая операция, осуществляемая с использованием системы электронных переводов, выступает лишь способом расчета за наркотическое средство, направлена на минимизацию контактов между сбытчиком наркотиков и их приобретателем, создает такие условия сбыта наркотических средств, которые значительно затрудняют выявленные правоохранительными органами каналов сбыта наркотических средств [10, с. 72]).

Следовательно, сам факт совершения финансовой операции не должен считаться легализацией, если отсутствует признак придания правомерного вида таким доходам. Суть легализации заключается в том, что преступник предпринимает все шаги для затруднения выявления преступного происхождения денежных средств или иного имущества (доходов) и создания для себя или иных лиц таких условий владения, пользования или распоряжения ими, которые позволяют считать эти доходы правомерными [11, с. 98]. Признание легализацией любой финансовой операции с преступно приобретенными средствами независимо от цели совершения этой операции приведет к неоправданному расширению объективной стороны легализации. Совершение финансовых операций (сделок) с любым имуществом, приобретенным преступным путем, не должно автоматически расцениваться как легализация средств, полученных преступным путем.

Вообще, нынешняя конструкция статьи 235 УК заставляет нас говорить о том, что данный состав преступления содержит в себе две цели, хотя одна из них прямо и не обозначена в качестве таковой:

1) цель придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению средствами, полученными заведомо преступным путем;

2) цель утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств (эта цель прямо обозначена в тексте ст. 235 УК).

Таким образом, пусть первая цель и скрыта законодателем, но она, по сути, именно и является таковой, так как невозможно иначе соотнести используемую законодателем формулу, кроме как сопоставления указанной дефиниции с субъективной стороной состава преступления.

Здесь же проблема заключается в следующем: если лицо получило взятку (или совершило хищение с использованием служебных полномочий) и в дальнейшем за счет предмета взятки приобрело объект недвижимости, то к какому обстоятельству должно относиться умышленно (причем, умысел может быть только прямым, коль скоро в статье 235 УК специально обозначена цель совершения преступления и состав этот является формальным) это лицо?

Цель в составе легализации преступных доходов используется не только как способ отграничить данную норму от такого «классического» преступления, как приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 236 УК), но и как способ указания на такой объективный признак, как совершение с «грязными» деньгами более сложных манипуляций, чем одна гражданско-правовая сделка (финансовая операция). Действительно, неразумно привлекать к ответственности по статье 235 УК, например, за продажу незаконно присвоенной автозаправки с использованием такой «сложной» схемы, как сделка от имени своей жены, равно как и за неуплату налогов с доходов, полученных от преступной деятельности.

Все дело в том, что любое преступление с корыстным мотивом изначально предполагает распоряжение полученными деньгами либо имуществом с целью получения за него денежного эквивалента. Именно по этой причине многие правоприменители за основу берут сам по себе факт распоряжения имуществом (совершение финансовой операции), а не конкретные действия, направленные на придание правомерности владения, пользования или распоряжения средствами, полученными преступным путем. Такое положение дел неприемлемо. Особенно остро эта проблема просматривается в случае «отмывания» преступных доходов. Некоторые сотрудники правоохранительных органов пытаются в данном случае автоматически привлекать к уголовной ответственности по статье 235 УК каждого лица, которое приобрело преступный доход, поскольку произошло распоряжение виновным, например, похищенными денежными средствами или иным имуществом в целях придания правомерного вида этому имуществу. Однако в подобной ситуации, как полагает Н.А. Лопашенко, «лицо идет на совершение первичного преступления как раз для того, чтобы, образно говоря, пожинать его плоды, пользоваться различными способами, например похищенным имуществом, или получить деньги за реализацию полученных в виде взятки материальных ценностей и т.д. Наказывая лицо за совершение действий с материальными благами, полученными в результате первичного преступления, то есть за прикосновенность к своему же преступлению, мы фактически наказываем это лицо дважды» [12, с. 509].

Наличие специальной цели в рамках любого состава преступления означает, что виновное лицо, совершая объективную сторону преступления, стремится достичь конкретного результата. Для легализации преступных доходов этим результатом и является придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению средствами, приобретенными преступным путем с особой целью – утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств. Такое стремление для лиц, совершающих преступления, особенно экономической направленности, в условиях нашей действительности – явление редкое, что объясняется достаточно просто. Надо понимать, что легализация (как преступление) зародилась в США, где выстроена несколько иная по сравнению с белорусской система контроля за доходами и расходами физических и юридических лиц. В США для того, чтобы распорядиться имуществом, в большинстве случаев необходимо объяснить источники происхождения этого имущества. Поэтому в таких условиях владельцы преступных доходов пытаются совершить финансовые операции и другие сделки, чтобы придать законный характер источникам происхождения имущества. В Республике Беларусь, в основном, чтобы потратить свои средства, не нужно никому доказывать легальность их получения. В связи с этим становится бессмысленным осуществление со стороны лиц, виновных в совершении основных преступлений, различных финансовых операций со средствами, полученными преступным путем. Такие операции чаще всего совершаются в иных целях, а не для того, чтобы замаскировать источники происхождения этих средств. Отсутствие же специальной цели даже при наличии формальных признаков (совершение финансовых операций для придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжения средствами, полученными преступным путем в целях утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств), не позволяет квалифицировать деяние по статье 235 УК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Илько, Ю.Д. Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.Д. Илько ; Омская акад. МВД Рос. Федерации. – Омск, 2003. – 24 с.
2. Отмывание денег. Банковский мониторинг. – Вена : Новое науч. изд-во, 2006. – 414 с.
3. Зимин, О.В. Актуальность проблемы признания преступлением легализации доходов, приобретенных в результате уклонения от уплаты налогов / О.В. Зимин // Адвокат. – 2007. – № 7. – С. 22–27.
4. Клепицкий, И.А. «Отмывание денег» в современном уголовном праве / И.А. Клепицкий // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 33–46.
5. Гладкий, П.А. Квалификация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности : метод. пособие / П.А. Гладкий. – Минск : НПЦ Генер. прокур., 2011. – 270 с.
6. Хиллота, В.В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: проблемы правотворчества и правоприменения / В.В. Хиллота. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 456 с.
7. Юсупов, Н.В. Цель преступлений, предусмотренных статьями 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н.В. Юсупов // Вестник Башкир. ин-та социал. технологий. – 2009. – № 3. – С. 83–88.

8. Мицкевич, В.В. Проблемные вопросы применения мер уголовной ответственности за легализацию доходов, полученных преступным путем, и совершенствование правового регулирования в данной сфере [Электронный ресурс] / В.В. Мицкевич. – Режим доступа: http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2014/july/7084/?sphrase_id=124357. – Дата доступа: 10.04.2017.
9. Емцева, К.Э. Содержание и значение цели в субъективной стороне легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / К.Э. Емцева // Вестн. Краснодар. ун-та МВД Рос. Федерации. – 2012. – № 2. – С. 53–56.
10. Токманцев, Д. Проблемы квалификации операций с денежными средствами, полученными от наркопреступлений / Д. Токманцев // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 68–74.
11. Курченко, В.Н. Толкование легализации преступных доходов / В.Н. Курченко // Рос. юрид. журн. – 2012. – № 5. – С. 93–98.
12. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : в 2 ч. Ч. II / Н.А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 640 с.

Поступила 01.02.2018

MONEY LAUNDERING: LIMITS OF INTERPRETATION OF THE CRIMINAL LAW

V. KHILYUTA

In article the efficiency of the criminal precept of law establishing responsibility for money laundering is analyzed. The author, on the basis of typical examples from law-enforcement practice, in detail considers the main sign of legalization – the crime commission purpose. It is noted that for money laundering the end result is giving of a lawful look to possession, use and the order the means acquired in the criminal way. Law-enforcement practice, tendencies of judicial right understanding and basic provisions of the doctrine of criminal law regarding an essence and the content of criminal legalization of income is in detail analyzed. The reason of inapplicability of this criminal precept of law is specified, and various options of improvement of the existing criminal legislation are considered. The idea about need of restrictive interpretation of the provisions of the criminal law providing responsibility for legalization of the means acquired in the criminal way is proved by the author of article and recommendations about improvement of law-enforcement practice are offered.

Keywords: *criminal income, legalization, economic crimes, property, laundering of income, criminal law.*